

В ее гороскопе значилось диковинное сочетание: истеричка и героиня. Посмеяться — и забыть, но гороскоп, сказав свое веское слово, преуспел по всем параметрам. Когда на истеричных героинь (или героических истеричек) накатывает сороковник, им приходится в голову рожать. Без наличия мужа, без согласия родителей, без разрешения начальства и к ужасу гинекологов. Это сейчас медицинская наука поумнела — рожают и в сорок восемь, и в шестьдесят пять, — а тогда...

— Вы героиня! — сказала интеллигентная докторша. — Почему так поздно? Вы что, раньше не могли? Вы понимаете, что находитесь в зоне повышенного риска?

— Она дура! — сказала неинтеллигентная акушерка. — Старородка! Первородка! Тысяча проблем! Двенадцать баллов угрозы!!! Разве они думают головой?! Они думают другим местом, а мы — отвечай!

— Вы действительно будете рожать? — спросила интеллигентная докторша.

— Буду. Обязательно буду. Куда я денусь? У меня другого выхода нет! — ответила истеричная героиня (или героическая истеричка), ощущая родовые схватки.

— Куда она денется: родит, как миленькая! — подтвердила акушерка — бывшая фронтовичка из тех, кто сначала стреляет на поражение, а потом уже смотрит, кого подстрелила. — Назад-то уже не запихнешь! Пускай только попробует не родить! Чай, не принцесса!

— Степень риска понимаете? — спросила интеллигентная докторша.

— Что она понимает?! Понимает она! — бушевала акушерка, которой осточертели все бабы, все мужики и весь окружающий мир, жаждущий плодиться и размножаться, плодиться и размножаться...

А чего понимать-то? Есть боль, которая просится наружу. Не рассказать о ней — мука, рассказать — еще большая мука. Умела бы описать свою жизнь — написала бы книгу. Толстую-претолстую. Длинную-предлинную. И пригожую, как лицо Павлика.

Сразу после рождения он не был пригожим: худенький, желтенький, бровки нахмурил, рожицу недовольную скривил...

— Ты чего на меня брови сдвигаешь? Ты же меня еще не знаешь! Или ты знаешь то, чего не знаю я? — прижимая к себе теплый комочек, она улыбнулась... И не снимала улыбку целых девятнадцать лет, три месяца, шесть дней и двенадцать

часов. Нет, не двенадцать. Десять часов: за два часа до официального сообщения Павлик не отвечал на звонки. Сердце подсказывало: что-то случилось, но что — не представить даже в самом страшном сне.

Если верить гороскопам, душа Павлика родилась четыреста лет назад, а ее собственная — всего-навсего — сто. Сын был старше, умнее, практичнее, терпеливее и понимал: маму надо защищать и беречь.

Мама, осторожно: закрываешь пианино — береги пальчики, не ударь. Мама, осторожно: это лезвие от бритвы. Его трогать нельзя. Оно лежит там, наверху. На шкафу. Я тебе принес показать, чтобы ты не порезалась. Мама, имей в виду: это спички. Стой, подожди. Видишь, машина? Я тебя переведу через дорогу, а то ты не так перейдешь.

Не она его переводила через дорогу, а он — ее. Он делал то, что считал нужным: поддерживал, опекал, заботился, критиковал. То она не туда пошла, то она не то сделала, то она не то сказала... И так — всю жизнь. Девятнадцать лет, три месяца, шесть дней и десять часов.

Мама, не делай сердитые брови! По какому праву ты делаешь всем замечания? По праву воспитателя детского сада? Вот придут детины мамы, они тоже своих детей умеют воспитывать! Улыбайся, мама, улыбайся! У тебя прическа веселая, как из мультиков!

— Здравствуйте, молодая бабушка! — говорили ей на детских площадках, в очередях и в государственных учреждениях.

— Я не молодая бабушка... Я старая мама! — отвечала она. И улыбалась. Каждая улыбка — поздравительная открытка, перевязанная ленточками воспоминаний. Каждая мысль, каждая вещь — тайный знак из памятного лоскутного одеяла, где каждый лоскуток — говорит... И слышно, как он говорит, что он говорит...

Мама, почему ты не родила меня молодой? Опыта не было? Наверное, раньше ты не знала, как меня воспитывать, а теперь знаешь. Улыбайся, мама, ты знаешь, как надо! А если забудешь, я подскажу!

Она улыбалась. Невероятному счастью улыбаться было отмерено девятнадцать лет, три месяца, шесть дней и десять часов.

— Павлик, ты большой, — говорила она маленькому сыну. — Ты взрослый. Ты сильный. Ты сильнее, чем думаешь. Ты умеешь больше, чем думаешь. А если не будешь баловаться и уберешь на место игрушки...

— Я не балуюсь. Я дрессируюсь! — отвечал он. — Я закрыл глаза и представил воображение, что убираю игрушки, но убрать не могу. У меня — диатез.

— Тогда я... накажу тебя! — говорила она.

— А как ты меня будешь наказывать? Как? — тоненьким голосом спрашивал Павлик, вытягивая длинную шейку.

— А вот так: буду тебя обнимать — и целовать! Обнимать — и целовать!

Она не умеет рассказывать, а умеет вспоминать — и поминать. Умела бы рисовать — нарисовала бы дождь: мокрые машины, мокрые скамейки, мокрые деревья. Мокрые от слез глаза и лужи, полные слез. Если бы она меньше плакала, луж было бы меньше, но даже самые горькие слезы иссыкают. Остаются воспоминания, которые греют. Как говорящее лоскутное одеяло.

А что у тебя в глазах в середине? Слезы? Мама, плакать не надо! Лучше скажи, как сопли попадают в нос и кто оторвал луну? А хочешь, я расскажу тебе сказку?

Жила-была Машенька. Она хотела в туалет, но мама ее не пускала. А почему, сама не знала. Я тоже не знаю. Мама, налей воды, идем поливать цветы: я буду поливать твой цветок, а ты будешь улыбаться... Улыбайся, мама! Твой цветок расцвел!

Чувство юмора родилось раньше Павлика. Наверное, это семейное. У ее кошек тоже было чувство юмора, — и у той, что при Павлике, и у той, что без Павлика.

У нас в семье три женщины: мама, бабушка, кошка Даша — и всех я буду защищать. Улыбайся, мама, улыбайся! Я нашел свою потерянную машинку! Улыбайся, мама! Я еду на велосипеде! Улыбайся, мама! Я раздаваю чеснок! Улыбайся, мама! Я дружу с Сережей, мне в нем нравится печенье и яблоко. Они у него в руке!

Кто знает, как вынуть из души боль — и что вложить вместо нее?

Мама, а какая фамилия у Снежной королевы? Как называется каша? Мама-лыга? А ты мне сделай папалыгу! Какая это рыба? Карп? Это имя или фамилия? Мама, ты родила дедушку? А кто его родил? Не бабушка? А кто родил тогда? Мама, ну почему мы с тобой опять не идем в зоопарк? Ты опять никак не выберешься, и мы опять никак не пойдём? Пойдем туда, пойдём сюда... Считай, что мы уже везде были!

Она выглядит спокойной, уравновешенной, за словом в карман не лезет. Но есть один недочет, непростительный для взрослого человека: она бывает беззащитна, как растерянный ребенок, и, хоть давным-давно научилась это прятать, душа знает: пережить невозможное — невозможно.

Как можно пережить невозможное? А никак. Засохшие на корню деревья практически вечны: стоят и не падают. Иногда — по инерции — зеленеют.

Мама, где здесь буква «ты»? Бабушка, где здесь буква «мама»? А где здесь буква «дедушка»? А кто на крыши разлил муку? А курица курит? А почему тогда назвали ее именем таким — «курица»? А волк из «Ну, погоди» знает, что в Армении — землетрясение? А кто на улице ветки шалает — шатает и шевелит? Мама, Адам и Ева уже давно умерли? Раньше, чем Ленин? Бабушка, не волнуй маму, а то она умрет. Мама, а когда будет бабушкино марта? Знаешь, где я взял замок? Нашел. У Вовы в руке. Мама, тебе тампекс нужен? На аптеке большими буквами написано: «ТАМПЕКС»!

— Мама, а у меня папа был? — вопрос прозвучал громко, на весь автобус. Ответ ясен: ни один папа не сравнится с мамой — понимающей без слов, каждый вечер придумывающей истории про всякую всячину и даже умеющей... тушить пожары. А как же иначе. Даже самый разумный ребенок хотя бы раз в жизни должен устроить пожар. Засунуть в маленькую розетку большой кипятильник — между деревянной кроватью и деревянным полом... Нате вам, полюбуйте: пол прожжен, кипятильник сожжен — и счастливое лицо. *Улыбайся, мама! Это же пожар! Настоящий пожар!*

Ни один папа не потушит пожар так замечательно, как мама!

А маме — хорошо за сорок. Мамин рост — метр пятьдесят четыре. С мамой здорово перелезть через высокие заборы. Бегать, прыгать, играть в футбол. Вырезать ножницами бумажных человечков. Собирать речную гальку, набивать ею полные карманы, чтобы потом выбросить и набрать новую. Смотреть, как военные корабли сходят со стапелей, и маршировать под духовые оркестры.

Маме полезно знать, что музыканты в телевизоре — не настоящие, а телевизиорные. Что в животе очень темно. Что у большого Деда Мороза — живые глаза, как у нормального человека. Что у тех, кто пьет чай, зубы чайные, боковые зубы — жевательные, а передние — конфетные. Маме полезно знать, что самые лучшие машины — контейнеровоз, поливалка и подъемный кран, что у автоинспектора есть автоинспекторная дудочка — и что если большой «КамАЗ» влетит в маленькую машину, то у маленькой машины будут сильные автораны.

Улыбайся, мама! Я раненый боец. Пока ты была на работе, меня ранили. У меня на голове — повязка, под повязкой — швы. В меня попал острый нож. На сантиметр выше виска. Улыбайся, мама! Я чуть было не упал в пропасть. Еще секунда — и я бы уже упал. Я буду каскадером. Бабушка сказала, что я — ее счастье, а ты — ее несчастье. Когда я вырасту, я тоже буду твоим несчастьем? Мама, что это? Доска почета лучших людей города? А где здесь ты? Это неправильная Доска почета. На ней нет тебя, мама, но ты все равно улыбайся. Тебе идет улыбаться!

Она улыбалась и пела. Истеричные героини (или героические истерички) что хотят, то и поют. Что приходит в голову, то и поют. Украинские песни, еврейские, русские. Павлик не пел. Стеснялся. Зато декламировал... Как только любая комиссия — Павлика вперед! «Свитая, край нэба палае, соловейко в темним гаи сонце зустрічае!» Без Павлика и без «Свитая, край нэба палае» не проходило ни одно торжественное мероприятие.

— Ну и кому я теперь расскажу «свитая, край нэба палае?» — сказал Павлик перед отъездом на историческую родину.

— Ну и кому теперь наш мальчик расскажет «свитая, край нэба палае?» — прослезилась акушерка, с самого рождения Павлика ставшая близкой подругой. — И в кого он у тебя такой красивый?

— Есть в кого! — улыбнулась она. — Напрашивается вопрос: и в кого он у меня такой хороший?

— Твой сын — не просто хороший. Он удивительный. Посредством него тебя узнают все!

— Моего сына и так знают все! Он же тысячу раз рассказал всем «край нэба палае»...

— Это другое! — был ответ. — Делай, что задумала. Бог открывает все пути. Да будет он милостив и не допустит непоправимого!

— И что же ты, Павлик, такого сотворишь, что посредством тебя меня узнают все? Хотя... Та, кто садится с тобой на остановке, уже узнала тебя и даже написала: «Павел, поздравляю тебя с Новым годом — Рош А Шана. Желаю тебе здоровья и счастья. Писал тот, кто с тобой учится и содится с тобой на остановке». Послание было обнаружено случайно, слово «содится» вызвало улыбку. Никто не знал, что отсчет «времени улыбаться» дойдет всего лишь до девятнадцати лет, трех месяцев, шести дней и десяти часов.

— Павлик, у нас — новая жизнь в новой стране... Давай пойдем на рынок, там такие фрукты, такие овощи...

— Покупай. Сама кушать будешь. У нас денег мало: нечего на меня деньги тратить. Почему я должен делать то, что хочешь ты? Я лучше знаю, что мне надо!

— Я тоже знаю, что тебе надо: пирожное!

— Спасибо. Ты купила, я откусил. Кушай, мама, это вкусно!

Сначала Павлик был маме по колено, потом — по пуп, потом — по плечо. От месяца к месяцу, чтобы увидеть сына, она поднимала голову все выше и выше. И вот уже мамины сто пятьдесят четыре сантиметра — где-то внизу, Павлик — где-то вверху... В принципе, перерасти сто пятьдесят четыре сантиметра не так уж и трудно, но дорасти до метра восьмидесяти трех — это, конечно... Девочки писали, звонили, приходили... Он смущался, отмалчивался... Вот проползти по земле на

кулачках — запросто! Отжаться от земли хоть сто, хоть двести раз — запросто! В пустыню на велосипеде — запросто! А девочки...

Мама, о чем с ними говорить, с девочками? Давай о чем-нибудь другом. В этой теме тебе делать нечего. Кто из нас ходит в школу, я или ты? Кто не будет ходить на свидания, ты или я? Улыбайся, мама! Когда-нибудь я женюсь, у меня будет вместо мамы жена. Потом я стану бабушкой и буду кушать с твоими правнуками манную кашу. А пока, мама, останови мне остановку и стой «Солнышко на дворе, а в саду... контейнер»!

Чтобы написать светлый рассказ о материнской любви, надо выпить ведро валерьянки... Поднять глаза к небу... И просить, чтобы сын вернулся к матери. Но Бог не всегда милостив и не всегда справедлив. Допуская непоправимое, он дает непосильные испытания. Жить с болью в сердце — невыносимо, и если бы меня спросили, чего хочу больше всего на свете, я бы ответила: «Отдайте тех, кого забрали: пусть они будут с нами».

Тот, кто ушел в иные миры силой обстоятельств или случайностей, остается жить в памяти, но время не лечит. Как может лечить пустота, которая кричит от боли?

А вдруг ему там холодно? А вдруг ему там жарко? Вот уже десять лет ему ни жарко, ни холодно, и с этим ни свыкнуться, ни примириться. Она не умеет жить без него, но делает вид, что живет. Умывается. *Мама, дай понюхать мыло. Оно свежее?* Садится завтракать. *Кашу сахаром мало посолила.* Убирает в квартире. *Пыль живет в пианино. Готовит обед. Что ты варишь? Картошный суп или уху из рыбы — уховарный борщ?* Я сварю борщ. *Вари. Ты же хочешь? Вари. Кушай, мама, это вкусно. Сварила? Ну-ка, проглоти ложку. Пошла в желудок?* Покупает клубнику. *Мама, красный сахар бывает? А из чего клубнику сделали, если нет красного сахара?* Ест яблоко. *Мама, смотри, яблоко сдохло. Оно скрутилось. Держи до конца шкурку и дай без шкурки. Пустое яблоко дай.* С надеждой смотрит на ручку чашки. *Мама, ручка чашки похожа на воскресительный знак. Может, и вправду воскресительный?*

Истеричные героини (или героические истерички) не хотят, чтобы им сочувствовали. Не хотят, чтобы их щадили. Первые три года они живут на слезах и истерике, потом — на героизме. В чем героизм? Не разрыдаться при виде длинной тонкой шейки мальчика, похожего на десятилетнего Павлика. Идти, когда не хочется двигаться. Поддерживать разговор, когда не хочется общаться. Это героизм.

Истеричные героини (или героические истерички) радуются ночи, чтобы сомкнуть глаза и мысленно говорить с сыном. Они не радуются постылому дню. День слишком длинный. Как скоротать его? Не хочется, но надо. Надо что-то делать, а иначе кто накормит кошку Катю, у которой не кошачьи, а человеческие глаза?

Мама, знаешь, куда уходит ночь? Она идет в день! Сидишь, бедняга моя. Учи компьютерную грамоту. Но не нажимай на все птички подряд, иначе будешь кричать: «Я что-то не то сделала! У меня не движется картинка!» Мама, повесь меня на холодильник. Хочу висеть рядом с шоколадным мороженым.

На книжных полках — его энциклопедии. Всевозможные, какие только бывают, — все у него были. В шкафу — его одежда. Все спортивное. Павлик не признавал ни кепочек, ни солнцезащитных очков, ни «девчачьих» расцветок, ни зонтиков. *Зонтик? Вообще не понимаю, что это такое. Еще я зонтик буду брать. Без объяснений, мама.* Он был очень лаконичен.

Какие найти слова, чтобы рассказать, что было дальше? Двадцатого июля две тысячи третьего началась армейская служба. Сильному, гибкому, волевому Павлику, подготовленному на двести процентов, все было в радость: армейский быт, дежурства, учеба на курсах водителей большегрузных машин, новые друзья. Девятого сентября — присяга и фото на память. А что произошло потом, не укладывается в голову. Никак. Можно сочувствовать, можно сопереживать. Но то, что чувствует мать... Посредством Павлика ее узнали все. Она не понимала, что происходит. Кладбище, воинские почести, венки, салюты. Со всей страны — группами по десять-пятнадцать человек — ее навещали солдаты. Славные, молодые, красивые... Самые родные — те, у кого рост за метр восемьдесят. Если бы она хоть иврит знала. Она плакала по-русски, они смотрели на иврите. «Не оставляйте ничего на потом! — говорила она. — Все, что можно сделать сейчас, делайте. «Потом» может не наступить, а дети с такими чистыми глазами должны жить долго-долго... И не огорчать своих матерей».

На тринадцатый день — под утро — она услышала стук в дверь. Вошел Павлик — не в солдатском, а в любимых джинсах и серой рубашке.

— Павлик... Хорошо, что ты пришел! Объясни, что случилось?

— Поэтому я здесь, мама. Пришел рассказать. Я ехал. Один, без сопровождающего. Заблудился. Попал не туда. Пока ребята по рации вывели меня куда надо, — стемнело. До места назначения оставалось двадцать минут. На десятой минуте люди в черном перегородили дорогу... Мама, меня убили.

— Я даже знаю, когда. В семь сорок мое сердце умерло вместе с тобой.

Мама, меня убили. Вместо живого Павлика — неподвижная фотография, на которой вдруг — в месте, куда стреляли — проступило алое пятно.

— Бог их накажет.

— Они свое уже получили, — усмехнулся Павлик. Он умел улыбаться глазами.

Это было не сон. Это было видение. Он не успел доехать десять минут. Не успел доехать, не успел влюбиться, не успел выучиться. Не успел стать взрослым, хотя был им с самого детства. Ее мальчик так и останется молодым. Он как будто вышел. Далеко-далеко. А мама сложила в пакет его часы, блокнот, мобильник, пульт... Чтобы не потерялись...

Больше не будет новых вопросов. Не будет внуков. Не будет того, что будет, но останется то, что было. Истеричные героини (или героические истерички) благодарны своему прошлому и не оплакивают свое будущее. Они живут надеждой на встречу и хранят память.

Мама, это самосвал? Старый? Что, так долго жил? Мама, ты купила мне трусы? А ты бабушке дашь одну трусу? Почему у меня такие холодные руки? Я зайчика грел. Он пластмассовый. Мама, покорми меня, а то не могу куда руки иметь. Пароходист плавает на пароходе. Рояльник играет на рояле. Модан показывает моды. Продавщик — понятно, что делает. А электрошейник — это просто машина. Швейная.

В чем смысл ее жизни? В самой жизни. Жить за него, смотреть на мир его глазами. Чтобы мама не заблудилась, сын держит ее за руку.

— Мама, смотри под ноги. Не споткнись. Осторожно переходи улицу.

— С мамой всегда есть за что поругаться! — добродушно ворчит она. — Я нормально перехожу улицу. Я просто спешу к тебе. Надо полить цветы, зажечь

поминальные свечи... Говорят, нельзя часто ходить на кладбище — нельзя волновать. А я не волную. Ты ведь не против, что я возле тебя хлопочу? Мама занята делом...

— Ты большая, мама. Ты взрослая. Ты сильная. Ты сильнее, чем думаешь. И ты можешь больше, чем думаешь.

— Я сильная уже потому, что живу без тебя. У меня нет другого выхода! Я чувствую себя раздавленной машиной, у которой «сильные автораны», но ты — мое самое дорогое — всегда со мной. Думаешь, если в земле, так это все? Я знаю, что с этим делать: любить — и помнить. Это мое. Было мое — и будет.

— Куда я от тебя денусь? У Бога все живы.

— Ничего, если я немножко поплачу? Всего три слезинки...

— Не лей воды, мать! Иди поливать цветы! Будешь поливать мой цветок, я буду тебе улыбаться... Улыбайся, мама, улыбайся! Мой цветок расцвел!

...1984–2004...

Улыбайся, мама, улыбайся: пока ты помнишь, я живу.

ПОКА МЫ ПОМНИМ, ОН ЖИВЕТ.

